

СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ХАНА ИСЛАМ ГЕРАЯ В ХРОНИКЕ МЕХМЕДА СЕНАИ

Постановка проблемы. Выявление и анализ художественных средств изображения, характеризующих образ хана Ислам Герая III как литературное воплощение исторической личности, является индикатором творчества крымскотатарского писателя XVII в. Мехмеда Сенаи. В современном литературоведении отсутствует детальное исследование хроники “Тарих-и Ислам Герай хан” (1651 г.). Изучение языка данного памятника художественной литературы – это важный шаг на пути к формированию понимания тенденций, имевших место в крымскотатарской литературе XVII в. Одним из ярких тому примеров будет служить образ известного в истории крымского хана Ислам Герая III, получившего своё художественное воплощение в “Тарих-и Ислам Герай хан”.

Анализ литературы. Исследованиям художественных средств изображения в раскрытии образа в произведениях литературы посвящены работы Д. Лихачёва, Б. Томашевского, М. Крошневой, Н. Гуляева, Л. Тимофеева, Р. Уэллека и О. Уоррена. Большой вклад в изучение хроники “Тарих-и Ислам Герай хан” внесли исследователи Ф. Туранлы, К. Усеинов, Н. Сейтягьяев, И. Зайцев, Ю. Шамильоглу. Историческая основа для раскрытия образа главного героя взята из работ В. Возгрина, О. Гайворонского и Х. Султана.

Объектом работы является произведение крымскотатарской литературы XVII в. “Тарих-и Ислам Герай хан” Мехмеда Сенаи, описывающее военные события 1648–1650 гг. (совместная борьба Крымского ханства и Запорожской Сечи с Речью Посполитой). **Предмет** статьи – художественные средства изображения в раскрытии образа главного героя произведения, хана Ислам Герая.

Актуальность изучения средств художественного изображения в “Тарих-и Ислам Гирай хан” обусловлена необходимостью сегодня рассматривать и анализировать произведения исторического содержания периода Крымского ханства с литературо-

ведческой точки зрения. Поэтому важность таких исследований послужит основой для комплексного изучения всех произведений крымскотатарской литературы средневековья.

Целью данной работы является исследование авторского подхода в характеристике главного героя “Тарих-и Ислам Герай хан” посредством троп. Для достижения цели попытаемся решить следующие **задачи**:

- пояснить значимость использования писателем троп для изображения художественного характера в литературном произведении и непосредственно в хронике “Тарих-и Ислам Герай хан”;
- показать историческую (реальную) основу в изображении образа главного героя произведения;
- проследить дифференциацию троп в “Тарих-и Ислам Герай хан”;
- проанализировать выбор автором тех или иных троп.

Изложение основного материала. Написание художественного произведения требует от писателя умения создавать образный мир, где явления и люди показываются своеобразно. Литература эпохи Крымского ханства является классической. Характерная особенность произведений данного периода – это образность, символичность языка. Посредством этих приёмов писатели выражали своё отношение к описываемым событиям и персонажам. “Тарих-и Ислам Герай хан” (“История хана Ислама Герая III”) является летописным по своему построению и прославляющим героическую личность человека, а именно крымского правителя-хана, по содержанию (панегирик). В панегириках на честь государственных деятелей воспеваются их ум, интуиция, быстрое исполнение принятых решений. Причина строгого канона объяснялась тем, что написание подобных произведений зависело от мецената [Зайцев 2009, 130], или произведение писалось на заказ с точки зрения на социально-экономические обстоятельства. Прославление правителей – это высший ранг панегирика. Их необходимо было сравнивать с природными объектами: солнце, звезда, море, дождь, ветер и т. д. Автор должен был преувеличивать их качества, иногда даже интенсивно. Помимо этого, автор поставил себе целью восхвалять не только хана, но и всё войско, то есть людей, непосредственно принимавших участие в военных действиях, в установлении дипломатических отношений.

Читатель погружается в мир, созданный автором, где все события показаны красочно, где-то даже эмоционально. В этом и заключается мастерство писателя: воздействовать на читателя при помощи слова, сила которого настолько велика, что способствует созданию картины описываемых событий.

Система понятий, связанных с образностью, принадлежит как психологии, так и литературоведению. В психологии слово “образ” означает умственное воспроизведение, воспоминание – и не обязательно зрительное – чувственного или запечатленного в ощущениях, прошлого опыта. [Уэллек, Уоррен 1978, 203]. Исследователь А. А. Потеня в работе “Мысль и язык” [Крошнева 2007, 17] рассматривал образ в качестве воспроизведенного представления: чувственно воспринимаемой данности. Именно это значение термина “образ” является актуальным для литературы и искусства. Художественный образ обладает следующими свойствами: имеет предметно-чувственный характер, характеризуется целостностью отражения действительности; он эмоционален, индивидуализирован; отличается жизненностью, актуальностью, многозначностью; может появиться в результате творческого вымысла при активном участии воображения автора. В художественном произведении наличествует вымышленная предметность, которая не имеет полного соответствия себе в реальности [Крошнева 2007, 17]. По мысли Гегеля [Крошнева 2007, 17], писатель, работая над созданием образа, освобождает явления действительности от всего случайного и “идеализирует” его [Крошнева 2007, 18].

Художественное впечатление не обязательно создается конкретно представимыми образами. Оно может вызываться и прямо противоположным: неуловимой значительностью ассоциаций или крайним обобщением идей, при котором значения слов обобщены до предела и представляют собой как бы только схематические проекции. Стремление к художественному абстрагированию изображаемого проходит через всю средневековую литературу. Стремление это сказывается в высоких жанрах литературы, но оно очень для нее характерно, отражая идеалистичность средневекового мировоззрения [Лихачев 1979, 84].

Для писателя чрезвычайно важно живое ощущение действительности, наличие эмоционального опыта. Он должен видеть

жизнь, слышать биение ее пульса, реагировать на все происходящее в ней. Подобное богатство эмоциональных впечатлений достигается, прежде всего, непосредственным участием в общественно-политических событиях времени [Гуляев 1977, 109]. Предметом художественного творчества является не просто увиденное равнодушным глазом, а наблюдения-переживания, запечатленные в сердце. А для этого необходима страстная заинтересованность в том, что совершается вокруг [Гуляев 1977, 109]. Согласно взглядам исследователя В. Е. Хализева, существует такое понятие как “словесная пластика” [Крошнева 2007, 23]. Вот как он пишет об этом: «Будучи не вещественными и лишенными наглядности, словесно-художественные образы вместе с тем живописуют вымышленную реальность и апеллируют к зрению читателя. Эту сторону литературных произведений называют “словесной пластикой”... Словесными произведениями запечатлеваются в большей степени субъективные реакции на предметный мир, нежели сами предметы, как непосредственно видимые».

Важным структурным уровнем художественной речи справедливо считается семантико-синтаксический. Без надлежащего внимания к нему научное познание такого феномена культуры, как художественная литература, поэзия и проза, является довольно проблематичным и даже невозможным, ведь психическое состояние человека сказывается, прежде всего, в структуре словесного выражения его мысли. Вот почему среди средств мотивационно-эмоционального влияния на собеседника, читателя чаще отдается предпочтение самым разнообразным синтаксическим и семантическим выразительным средствам, среди которых значительное место принадлежит тропам и стилистическим фигурам.

Лингвостилистическое исследование системы тропов и стилистических фигур языка актуально также, поскольку помогает выяснить своеобразность языковых единиц художественных текстов как проявления способности литераторов к выражению нетрадиционности и неповторимости ассоциативных связей в восприятии действительности; оказывает содействие выявлению тех языковых средств, с помощью которых высказывается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений; и является, в конце концов, необходимым, для

того, чтобы осознать все наше и мировое литературное наследие.

В конкретно-жизненном изображении действительности, что дают произведения литературы, важную роль играют специальные средства образности языка. Они помогают писателю воплотить в словесную форму конкретные представления о предметах и выражениях, свое отношение к ним. Эту задачу выполняют не только отдельные слова и словосочетания, употребленные в прямом значении, а также слова и выражения, употребленные в переносном смысле, которые называются *тропами* (оборотами). Тропы образуют новое значение благодаря перенесению одного из вторичных признаков слова на другое слово; имеют, прежде всего, познавательное значение, помогая понять новые попадающие в поле зрения человека явления. Они становятся чрезвычайно гибким средством индивидуализации изображения жизни.

Познавательное значение тропов, выделение в явлениях их новых свойств путем сопоставления их с другими получает особое значение именно в литературе. Сами по себе тропы – явление языка и могут быть встречены в любой области языковой деятельности, но именно в литературе они в особенности существенны, так как становятся чрезвычайно гибким средством индивидуализации изображения жизни [Тимофеев 1966, 212]. При помощи тропа писатель получает возможность более четко выделить в явлении его особенности, придать ему конкретность, оценить его [Тимофеев 1966, 212].

Так как троп выделяет с чрезвычайной отчетливостью какой-либо один определенный признак явления, то наряду с познавательным своим значением он дает писателю еще очень существенное средство для того, чтобы, во-первых, индивидуализировать явление, а во-вторых, дать ему определенную субъективную оценку [Тимофеев 1966, 212]. Соотнося явление со вторичным признаком другого явления, художник прежде всего подчеркивает какую-то одну его черту, что позволяет ему изобразить это явление особенно конкретно, а вслед за тем, так как выбор этой черты зависит от того, как сам художник относится к данному явлению (враждебно или положительно и т. п.), выбор ее уже подсказывает, как читатель должен к этому явлению относиться. Это общие свойства тропа. И в языке он имеет, следовательно,

три основные задачи: познавательную, индивидуализирующую и субъективно-оценочную. Эти свойства тропа делают его в особенности важным для писателя, создающего индивидуальный и эстетически (то есть в частности, субъективно) окрашенный образ [Тимофеев 1966, 213].

Хроника “Тарих-и Ислам Герай хан”, являясь памятником крымскотатарской художественной литературы XVII в., наполнена огромным количеством средств изображения (троп). Характерная особенность крымскотатарской литературы периода Крымского ханства – это язык образов. Эта тенденция прослеживается не только у прозаиков, но и у многих поэтов того времени. Собственного говоря, изначально образность языка зарождалась из поэтического творчества. Кроме того, так как крымскотатарский язык в период существования Крымского ханства практически соответствовал османско-турецкому [Шамильоглу 2001, 22], на средневековой крымскотатарской литературе сказались влияние традиций османской, арабской и персидской литератур.

Главный герой рассматриваемого нами произведения, хан Ислам Герай, является реальной исторической личностью. Он одержал верх в многочисленных битвах над беспокоящими его страну внешними угрозами. Как мудрый правитель, хан был справедливым в отношениях, как со своим собственным народом, так и с другими народами, умел тонко регулировать дипломатические отношения. Несомненной удачей правления Ислама Герая III была его способность установить мир с бейскими родами и обеспечить их согласие между собой – хан проявлял способность мудро управлять своими подданными. Государь проявлял беспристрастность и справедливость, если родовая аристократия жаловалась на утеснения со стороны служилой, и сурово наказывал виновных. Ислам Герай лично принимал участие во многих сражениях и проявлял себя как человек отважный, не знающий страха и готовый справляться с любыми трудностями. Был отважной и щедрой личностью. На собственные средства строил и обновлял общественные сооружения (фонтаны и бани) и крепостные строения по всему Крыму. Эти качества крымского правителя просто не могли быть не замеченными придворными историографами и вообще окружением хана (воинами, визирями, мурзами и т. д.). Но в то же самое время лица, являвшиеся

очевидцами происходивших событий, добавили в описание этих событий своё индивидуальное видение, в котором описания предстают в новом и ярком виде.

По словам историка Валерия Возгрин, одаренность, даже талант и гуманистический склад ума некоторых ханов находили отражение в стиле их правления [Возгрин 1992, 214]. Ислам Герай (1644–1654) провел в молодости семь лет в польском плену, где имел возможность ознакомиться с государственным устройством Речи Посполитой – он был приближен к королевскому двору. По возвращении хана домой его немалая энергия, распорядительность и природный ум расположили к нему и самую беспокойную часть его земляков – беев. Самостоятельная и последовательная внешняя политика Ислам Герая, безусловно, подняла и международный авторитет Крыма, ослабила пристальный надзор Турции [Возгрин 1992, 214]. Хан помирил две враждовавшие могущественные группировки (мурзинское сословие и капы-кулу), хотя для этого ему пришлось выдержать несколько столкновений, вылившихся в настоящие битвы. Далее, наладив внешнеэкономические поступления и проведя несколько реформ внутрикрымской экономики, хан настолько повысил благосостояние всего населения Крыма, что это бросалось современникам в глаза даже чисто внешне. Эти и иные крупные перемены в политическом и особенно внутриэкономическом положении ханства имели единый исток – Ислам Герай оказался достаточно свободомыслящим правителем для того, чтобы ввести в ханстве порядки, которые он изучил в своих зарубежных странствиях. И то, что он смог при этом преодолеть сопротивление местных консерваторов, в том числе и мулл, относит его к числу немногих европейских владык, нашедших в себе духовные силы для объективной, беспристрастной оценки положения своей страны и проведения в жизнь необходимых реформ, невзирая на традиции [Возгрин 1992, 215].

Образ хана несет в себе черты большого художественного обобщения. Как литературный тип он является отражением образа национального героя. Среди примет, говорящих, что хан – “героическая личность”, важнейшую роль играют те, в которых запечатлелись существенные национальные черты крымского правителя. Хан воплотил в себе исконные черты целеустремлен-

ного человека, отличающегося талантливостью, сметкой, справедливостью, мудростью, размахом чувств. Основное в нем то, что выражает силу и мощь народа. Неугасимая ненависть к несправедливости, преданность своему народу и государству и постоянная готовность вступить в бой, талант полководца, беззаветная храбрость и отвага, мужество и стойкость – таковы черты, определяющие облик настоящего героя.

Огромная сила произведения в том, что Сенаи запечатлел неповторимый образ хана Ислама Герая. Этот образ является композиционным центром хроники. Большинство событий произведения подобраны и освещены таким образом, чтобы полнее обрисовать его. Хан в изображении Сенаи – это выдающийся государственный деятель, сильная, многогранная личность.

В творческом методе Сенаи своеобразно сочетаются крайний субъективизм восприятия жизненных явлений с объективной манерой их воспроизведения. Автора в большей мере волновала эмоциональная точность отражения собственных ощущений. И всю силу своего таланта он отдавал этой цели, рисуя то, что сильнее всего поражало его в событиях и персонажах, с которыми он делил тяготы военных походов.

В образе хана писатель воплотил человека с ярко выраженной волей и моралью. В самой характеристике героя содержится восхищение и преклонение автора перед красотой хана, его твердостью характера и жизненным упорством. Опоэтизированные образы довольно полно отражают взгляд народа на хана и красоту его жизненного подвига. Необычный, задорный тон голоса Сенаи создает многоцветность красок и высокий эмоциональный накал его произведения. Героическая тема, радостное чувство побед, в которых уверен автор, обнаруживаются в его хронике в таком обильном потоке троп, что, кажется, будто бы сама жизнь сильного, крепкого, нравственно богатого хана врывается на страницы произведения. Автор хочет не столько полно изобразить героя, сколько, прежде всего, точно и выразительно передать эмоциональное восприятие образа хана читателем. Таким образом, определяется такая коренная черта художественного метода Сенаи, как его стремление создать возвышенно-героический, “идеальный” образ хана.

Обобщение образа Ислама Герая, созданного Мехмедом Сенаи, принимает разные формы, окрашенные его личными эмоциями и оценками. У него образ всегда экспрессивен, выражает его идейно-эмоциональное отношение к хану. Здесь перед читателем предстают и эстетические категории автора, в свете которых он воспринимает жизнь. Конечно же, Сенаи героизирует личность хана, чего требует сам жанр произведения. Показать хана таким, каким он был в действительности, и в то же время, приукрасить образ правителя-воина красивыми выражениями значит проявить свой писательский талант. Хан в изображении автора наделен всеми возможными качествами доблестного воина, готового принимать самые отчаянные решения. В его изображении Сенаи использует множество эпитетов, сравнений, элементы преувеличений (гиперболизации).

На страницах “Тарих-и Ислам Герай хан” проходит большое количество эпитетов, именно они являются основным средством индивидуализации персонажа. Сенаи индивидуализирует, характеризует героя, выделяет в нем те признаки и свойства, которые ему кажутся важными и значительными на основе его представлений об этом герое, понимания и знания, своего отношения к нему. Он хочет обратить внимание читателя на те свойства и отличительные черты хана, которые он особо выделяет. Происходит конкретизация образа. Писателю важно подметить самые сокровенные черты личности героя. Каждый раз рост образа главного героя раскрывается по-новому. Автор добивается большой художественной выразительности. Лучшие качества характера хана, ставшие главным предметом художественного вдохновения автора, – нравственная чистота и самоотверженность, глубокое патриотическое чувство, сила убеждения и высокие человеческие помыслы – выступают одновременно и как общечеловеческие идеалы. Человеческое достоинство и гордость своей принадлежностью к великому народу выступают у хана как благородные черты подлинной личности.

Перейдем непосредственно к рассмотрению троп, характеризующих главного героя – хана Ислама Герая.

Ислам Герай хан – это великий полководец, завоеватель, роль которого в истории велика. Под его предводительством совершались военные походы, результатом которых были одержанные

его войском победы. В приведенном ниже эпитете автор подчеркивает тот факт, что все военные успехи хана – это продолжение цепи успехов великих правителей и полководцев:

“Достославный, отмеченный печатью Искандера хан, сопутствуемый удачей и славой” [Усеинов К. 1998, 9]. – *“Saadet u iclâl u devlet u ikbâl ile bizzat saadetli hanı alişan İskender-nişan hazretleri”* [Туранли 2000, 176].

Здесь важным является религиозный аспект данного эпитета. Искандер¹ – в иранской мифологии идеализированный образ великого полководца Александра Македонского, правление которого связывалось с идеей счастливого царства на земле. Связующим моментом между ханом Исламом Гераем и Искандером является миссия по установлению справедливости и добра в мире. Образ Искандера здесь в некоторой степени являлся эталоном правителя, на которого мог равняться только достойный “печати Искандера” человек. Таким образом, Сенаи находит сходство между двумя реальными личностями, сыгравшими значительную роль в мировой истории.

Посредством эпитета *“Хазрет падишах, гроза врагов и покровитель друзей”* [Усеинов К. 1998, 15] – *“Hazret-i padişah-ı düşman-süz u dost-nüvaz”* [Туранли 2000, 180] автор одновременно выделяет два основных качества главного героя: качество воина (“гроза врагов”) и моральное качество (“покровитель друзей”). Хан являлся авторитетным человеком, которого уважали правители других государств. Его героическая личность была известна и за пределами крымского ханства. Нарушить договоренность с ханом (например, нарушить установленные дипломатические отношения, не уплатить дань) – означало подпасть под немилость Крымского хана. С другой стороны, хан являлся человеком, для

¹ Искандер (Зуль-Карнайн, Александр Македонский) – это праведник, великий царь, упомянутый в Коране (один из пророков в исламе). Он воевал против язычников и завоевал большие территории в Европе и Азии. Зуль-Карнайн в переводе с арабского означает “обладающий двумя рогами” (Восток и Запад, Рум и Персия). Точное толкование имени Зуль-Карнайна – обладатель символа божественного могущества. Зуль-Карнайн проповедовал веру в единого Бога и призывал другие народы следовать законам Аллаха. Он воздвиг Великую китайскую стену, чтобы отгородить мир от страшных Гогов и Магогов (Яджудж и Маджудж).

которого большое значение имели его дружественные отношения и спокойствие внутри государства. Как пишет М. Сенаи, “Так как поддержка людей в их стремлениях достичь желаемого также была в обычаях прежних царей, а для сего царского дома это свойство особо присуще”. Поэтому хан оказал военную помощь запорожскому гетману Богдану Хмельницкому (Мельниске), заключив с ним союз.

С помощью эпитета “*Хазрет сахибкиран времени и земли Ислам Герай хан (да помнит его Всемилостивый!)*” [Усеинов К. 1998, 12] – “*Hazret sahibqıranı zemin u zaman İslâm Giray Han*” [Туранли 2000, 178] показывается влияние хана. Понятно, что здесь есть преувеличение. Но подобный эпитет выбран автором не случайно, а с целью более глубокого осознания читателем образа персонажа. Таким чаще всего предстает образ правителя, будь то хана, либо султана, либо же шаха. Это поиск поэтических средств выражения духа эпохи. Поэтому образы повелителя нового мира не были абстракциями. Авторы искали максимально ёмкие формы выражения идеалов и устремлений народа. Эти образы были типичными для многих писателей. Правитель Крымского ханства был правителем не только Крымского полуострова, но и других значительных территорий.

Эпитетами “*высокий хосревов порог*” [Усеинов К. 1998, 60] – “*Atabe-i aliyye-i hüsrevamiye arz olunduqda*” [Туранли 2000, 213]; “*высокое хумаюново соглашение*” [Усеинов К. 1998, 60] – “*Riza-i hümayunları sadr olmağla*” [Туранли 2000, 213] выражается отношение автора к личности хана как к одному из символов государственности. Обладая наивысшей властью в государстве, хан являлся лицом этого государства. Данные тропы переплетаются в структуре произведения со многими другими тропами. Они служат показателем возвышенной тональности произведения, где использование эмоционально окрашенных фраз являлось необходимостью автора.

В “Тарих-и Ислам Герай хан” главный герой хроники сравнивается со многими выдающимися личностями, внесшими свой значительный вклад в ход истории, а также с персонажами мировой литературы. Основанием для сравнения автора являлись те положительные качества хана Ислама Герая, которыми он

обладал. В большинстве своём эти качества связаны с героическими подвигами в установлении справедливости, а также с умственными способностями. Мехмед Сенаи сравнивает хана с Искандером Зуль-Карнейном (Александром Македонским), персидским царем Дарием, а также легендарным Джемшидом и могучим Самом (из “Шахнаме” Фирдоуси). Называя “Тарих” Сенаи “выдающимся памятником национальной исторической прозы классического периода”, исследователь крымскотатарской литературы Н. С. Сейтягьяев замечает, что ориентирами в творчестве для него были Низами и Физули [Сейтягьяев 2005, 9]. Сам автор назвал свой труд по аналогии с произведениями Фирдоуси и его последователей “Шахнаме” [Усеинов К. 1998, 4].

Сравнение “*Хазрет падишах, по степеню равный Джемшиду*” [Усеинов К. 1998, 34] – “*hazret-i padişah-ı cemcâh felek-destgâh zafer-penah*” [Туранли 2000, 195] сочетается с символом “*держатель вселенной, вершитель побед*” [Усеинов К. 1998, 34] – “*Şehzade-i civan-baht u ferzend-i devlet-mend nik ahterleri olan*” [Туранли 2000, 195]. Здесь автор хотел показать величие хана. С одной стороны образ хана раскрывается в сравнении с легендарным древнеперсидским царем, персонажем поэмы “Шахнаме” поэта Фирдоуси Джемшидом², а с другой – автор усиливает это сравнение своим собственным средством изображения, символом. Джемшид символизировал величие. Воссесть на государственном троне – означало отвечать за судьбу своего народа и своей страны, совершать дела во благо государства. При всем этом значительно повышался как авторитет страны, так и ее руководителя на международной арене. Правление хана Ислам Герая, также как и правление царя Джемшида, ознаменовано великими победами, процветанием государства и единением народа.

В тексте произведения часто встречаются сравнения, в которых имеет место сходство хана с Искандером (Александром Македонским) и Дарием: “*Славный как Искандер и мудрый как Дарий хазрет падишах*” [Усеинов К. 1998, 23]. – “*Hazret-i padi-*

² Джемшид – в иранской мифологии и эпосе царь, третий или четвёртый правитель из династии Парадата (Пишдадидов). Правление Джемшида представлено как золотой век. При нем совершались великие изобретения.

şah-ı İskender-simat u dara-darat” [Туранли 2000, 186]. “Славный как Дарий и Искандер хазрет султан” [Усеинов К. 1998, 39]. – “*Hazret-i sultan dara-darat İskender sıfat bizzat*” [Туранли 2000, 198]. Эти средства изображения имеют конкретно-историческое содержание. Автор привносит в отражение действительности то общее понимание, которое присуще ему. Так создаётся общий колорит особенностей авторитета хана, напряженности времени, силы страстей и остроты ума. Приподнято-героический образ хана становится еще ярче. Автор сравнивает хана и с царем государства Ахеменидов в 522–486 гг. до н. э. Дарием I³. То же самое сходство можно найти и у хана Ислама Герая. Его правление приходит на золотую эпоху Крымского ханства. Основой для сравнения является мудрость государственных деятелей (хана Ислама Герая и Дария).

Главный герой произведения сравнивается с могучим молодым воином, героем древнеперсидской мифологии, а также одной из ключевых фигур в эпосе великого иранского поэта Фирдоуси “Шахнаме” Самом:

“Хазрет сахибкиаран вооружился и перепоясался мечом войны и, подобно Саму, с величием и достоинством воссел на своего быстрого коня” [Усеинов К. 1998, 21]. – “*Bizzat alat-ı harb u silâh ile müretteb u müzeyyen u müsellâh olub semend-bad peymalârına çün sam süvar olub*” [Туранли 2000, 184].

Образ хана находит сходство и с солнцем, которое является источником тепла и света во всём мире: “*И солнце, согревающее мир, подобно великодушному хумаюну шаху сияючи, показалось из созвездия Стрельца*” [Усеинов К. 1998, 57] – “*Aftab-ı kava burcundan lâmi u tali-i hümayun-ı şah-ı alicenab gibi etraf u eknafa sati odu*” [Туранли 2000, 211]. Этот опозитизированный троп очень выразителен. С помощью такой образности автор стремится показать то, что личность хана – светлая, яркая, проникнута великими нравственными идеалами. Нельзя представить мир в темноте, без единого луча света. Также и нельзя представить государство и народ без великого правителя, то есть того элемента,

³ Этот правитель провел административные, налоговые и другие реформы; осуществил значительное строительство. Время царствования Дария I – период наивысшего могущества Ахеменидов.

который исполняет роль двигателя. Эпитетом “великодушный” автор подчеркивает немаловажную черту характера хана – его щедрость. Он по достоинству оценивает поступки людей, одаривает подарками друзей, рассыпает перлами красноречия, не жалеет сил и средств для достижения благих целей. Поэтому подобный образ вполне соответствует реальной исторической фигуре хана.

Посредством гиперболы автор усиливает нужное впечатление, подчеркивает, что он прославляет личность персонажа. Героика составляет преобладающее эмоционально-смысловое начало. Здесь поднимаются на щит и поэтизируются поступки хана, свидетельствующие о его бесстрашии и способности к величественным свершениям, о готовности преодолеть инстинкт самосохранения, пойти на риск, лишения, опасности, достойно встретить смерть. Героическая настроенность связана с волевой собранностью, с бескомпромиссностью и духом непреклонности. Героическое деяние в традиционном его понимании (независимо от победы или гибели его вершителя) – это верный путь человека к посмертной славе. Героическая индивидуальность (герой в изначальном строгом смысле слова) вызывает восхищение и поклонение, рисуется общему сознанию как находящаяся на некоем пьедестале, в ореоле высокой исключительности. Автор воспекает героя.

В гиперболическом образе запечатлелось преклонение автора перед силой и величием главного героя, восхищение его моральным духом и целеустремленностью, глубокая убежденность в великих достижениях, в победе. В нем воплотились наиболее характерные черты ханов, тропы передавали главный смысл и направление борьбы.

*И если разожжешь огонь его ярости,
Всю страну твою охватит пожар.
Если на склон горы падет тень,
Сияние хана растопит лед без солнца.
Если взглянешь хоть раз ему в глаза,
Луна и солнце покажутся тебе тусклыми.
Перед гневом его никто не вздохнет*

[Усеинов К. 1998, 27].

*Ve ger-ateş kahreş efruhati
Bin şal zan kişveri suhati
Beküh ez-kemin saye endahti
Çu yah yış-i hurşid begdahti
Be-hışm er suy-ı çerh gerdi nigâh
Şeddi tire ruhsâr-ı hurşid u mah
Dem ez-kin ev kes be-alim nezed*

[Туранли 2000, 190].

Данные стихотворные строки свидетельствуют о твердости характера хана. Чтобы разжечь его гнев, достаточно всего одной искорки. Метафоричная фраза “разжечь огонь ярости” придаёт изображаемому образу исключительную выразительность. Сама стихотворная форма, выбранная автором, удачно отражает гиперболу. В каждом слове прослеживается явное преувеличение, которое способствует более глубокому пониманию образа персонажа. В истории Крымского ханства немало примеров, когда ханы в порыве своего гнева жестоко подавляли восстания мятежников, строго высказывались в адрес некоторых правителей, принимали решения наперекор Османской империи. Всё это говорит о том, что хан был вполне независимой личностью, хоть и формально ханство являлось вассалом Великой Порты. О пылкости характера хана Ислама Герая можно понять со слов “сияние хана растопит лед без солнца”. Луна и солнце по сравнению с его глазами “покажутся тусклыми”. То есть взгляд хана наполнен ярким огнем, который заставляет его идти на отчаянные решения и который исходит из его сердца.

Перлы красноречия автора хроники переполняют почти каждый абзац произведения. Недостигаемость той вершины, на которой пребывал хан, является очевидным фактом. Для усиления выразительности этого высокого положения хана автор прибегает к гиперболе с использованием астрономических объектов – солнца и звезд:

“Шах, счастье которого высоко как солнце и звезды” [Усеинов К. 1998, 33] – *“Şah-ı hurşid-baht u encüm-gulâm”* [Туранли 2000, 195];

“какой высочайшей звездой счастья был наделен сахибкيران – покоритель стран” [Усеинов К. 1998, 35] – *“Hazret-i sahi-*

bqıranı Kiti-sitanın quvvet-i tali-i hümayunları ne mertebedir quyâs oluna ki” [Туранли 2000, 196].

Для создания гиперболического образа хана Сенаи прибегает к использованию строк из стихотворения поэта Джеврия Челеби:

*Звезда огромная хан Ислам Гирай –
Он в войне за веру подобен льву* [Усеинов К. 1998, 65].

*Han-ı cem-kevkebe İslâm Geray
Ki o derr-i Ğzai-i Haydar-Ğazavat*

[Туранли 2000, 217].

Называя хана звездой, автор этих строк хочет передать читателю признак яркости, блеска главного героя. Кроме того, возникает эмоциональная окраска слова: так как понятие “звезда” относится к кругу условно “высоких” понятий, то автор привносит в имя хана некоторую эмоцию восторга и любования. То есть он пробуждает эмоциональное отношение к образу персонажа, внушает чувство прекрасного, придает чувственно-оценочный смысл. Сравнение со львом характеризует героичность образа.

Мехмед Сенаи настолько сильно превознес образ главного героя, что порой, кажется, он говорит о несуществующей в мире личности. Понятно, что перед ним стояла такая задача: показать образ главного героя так, как не покажет его никто.

Автор восторженно отзывается об успехах хана во время военных походов. Воинственный правитель достиг невероятных высот на нелегком пути. Им восхищались, его героическую личность ставили в пример другим. Таким образом, эмоциональная окрашенность данного восхваления, кажется, будто бы зашкаливает. Восхваление и идеализация личности хана автором показывает не только его личное отношение к правителю, но и приверженность, верность всего народа своему лидеру. Как вся страна, так и сам хан находились в благополучии.

По словам Д. Лихачёва, средневековая книжность и средневековое искусство были пронизаны стремлением к символическому толкованию явлений природы, истории и писания [Лихачёв 1979, 135]. Весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл. Видимое осмысливается невидимым, невидимое – видимым. Мир видимый и мир невидимый объединены символическими отношениями, раскрываемыми через произведение

литературы [Лихачёв 1979, 137]. Средневековые пронизало мир сложной символикой, связывавшей все в единую априорную систему. Символы традиционно сохранялись в течение веков и питали собой художественную образность литературы [Лихачёв 1979, 137]. Средневековый символизм “расшифровывает” не только многие мотивы и детали сюжетов, но он же позволяет понять многое и в самом стиле литературы средневековья. Так называемые общие места средневековой литературы, столь в ней распространенные, во многих случаях отражают особенности средневекового символизирующего мировоззрения. Так, например, средневековой символикой объясняются многие из “литературных штампов” средневекового летописания.

Автор использует художественные детали, характеризующие главного героя, а именно детали-символы: “*Хазрет падишах – пристанище побед и высшая звезда в созвездии воинов*” [Усеинов К. 1998, 8] – “*Hazret-i Padişah-ı zafer-penah felek-qadr encümsipah tahti*” [Туранли 2000, 175]. Благодаря символизации и индивидуализации портретной характеристики достигается эффект воображения, представления главного героя. Победы всегда сопутствуют хану не только в сражениях, но и в жизни. Для него как для мудрого правителя важно не просто победить, но и установить справедливость. Поэтому победа – это шаг к справедливости. Добываясь побед, приложив при этом немало усилий, хан добивается поставленных целей, никогда не отступает при малейших трудностях. За Исламом Гераем закрепилась репутация победителя, сражающегося со злом и сеющего добро. Что касается выражения “высшая звезда в созвездии воинов”, автор особо выделяет главного героя произведения среди других персонажей. Подобные выражения-символы часто используются в традициях восточной литературы. Хан лично принимает участие во многих битвах, возглавляя войско. Яркими у него являются как внешность, так и внутренний мир. Он “освещает” всё вокруг, словно звезда. Поэтому автор и применяет этот астроморфный символ.

В речи автора образное выражение “*порог хана – прибежища государства и вершителя побед*” [Усеинов К. 1998, 26] – “*Derr-i devlet-penah zafer destgâh-ı haniye getirdiler*” [Туранли 2000, 189] имеет такой смысл: хан как надежный защитник своей страны и образец правления для других правителей. Главный герой произ-

ведения Ислам Герай хан – это один из символов государственности крымских татар. Судьба ханства зависит от принятия правителем правильных, обдуманных решений. Причем эти решения касаются как внутренней, так и внешней политики государства. Поэтому любой правитель должен быть мудрым. Ислам Герай хан – это оплот государства, хранитель и защитник той территории, на которой правили его предки. Малейшее колебание или же необдуманное решение могло разрушить государство.

Метафоры в хронике “Тарих-и Ислам Герай хан” эмоционально насыщены, они производят сильное впечатление на читателя, “поражают воображение” [Томашевский, 34]. Автор делает упор на чувственном восприятии и на идее “особенного”. Метафоры делают речь произведения более оживленной и окрашенной. Благодаря этим средствам изображения образ главного героя раскрывается в необычайной манере: *“Так рассыпал хан эти и прочие перлы красноречия, осыпал его голову жемчугами и выставил перед ним ветроногого скакуна, и вложил узду воли в его высокородные руки”* [Усеинов К. 1998, 38]. – *“Nice kelimat-ı dürer-bar u nesayih-i bi-şümar ile üzerine dürr u gevherler nisar itdikden sonra bir semend-bad reftarı müheyyâ idüib inan-ı ihtiyârı yed-i pür-cüduna teslim”* [Туранли 2000, 197]. В приведенном примере Сенаи с помощью метафоры показывает красноречивость хана, его способность обсуждать с другими людьми актуальные, животрепещущие темы. Умение красиво говорить, чтобы каждое слово носило в себе некий смысл – это действительно талант. А для правителей, восседавших на крымском престоле, этот талант был особенно важен. Среди крымских ханов было немало истинных почитателей искусства. Некоторые из них внесли заметный вклад в крымскотатарскую литературу своим поэтическим творчеством. Дипломатические отношения, заключаемые между Крымским ханством и другими странами, требовали от ханов использования определенных “языковых штампов”. Другое метафорическое выражение “вложил узду воли в его высокородные руки” показывает, как хан рассказал свои глубоко философские мысли о смысле жизни своему брату, подкрепил калгай султана своими знаниями и опытом.

Метафоричность образа хана выражается также в эпитетах, которыми автор наделил предметы, принадлежавшие герою-воину.

В приведенном ниже примере Сенаи стремится показать не столько оружие хана, сколько направленные на освобождение пленников внутренний порыв и чистоту помыслов Ислама Герая:

“Благодаря беспорочному клинку сахибкирана освобожденных было бесчисленное множество” [Усеинов К. 1998, 32] – *“Tiğ-i bidiriğ-i sahibqıranı berekatında halâs bulub ifka-ı hüsrevanı bi-nihaye idi”* [Туранли 2000, 193].

Задача создания яркого, исторически правдивого образа потребовала использования большого количества троп. Метафора и другие средства художественного изображения, выражая основное идейное содержание произведения автора, своей эмоциональной окраской еще более усиливают общий пафос – воспевание героических деяний. Метафорический образ, выраженный в предложении *“Повелитель жег огнем неискренность мира сего”* [Усеинов К. 1998, 62] – *“Hüdavenda bed-ateş-saz nazarı mülk-i alem-ra”* [Туранли 2000, 214], превращается в органическую часть общего замысла. В этом образе нашла свое воплощение эмоционально выраженная мысль о борьбе за справедливость. Его дальнейшее развитие обусловлено нарастанием событий. Образ огня, воплотивший борьбу за установление справедливости, получает еще большую реалистическую, конкретно-историческую убедительность и притягательность. В традициях ислама справедливость почитают как одну из самых важных и необходимых вещей в мире. Порядок всего мироздания держится на справедливости. Там, где ее нет, в том месте царит жестокость. Несправедливость расшатывает порядок государства, расшатывает устои единства нации [Хайруллинов 2000, 44–45].

Нередко средства художественного изображения переплетаются между собой. Эффект от такого сочетания намного усиливается: *“И гордый сахибкиранов бунчук взвился аж до звезды Капеллы”* [Усеинов К. 1998, 55] – *“Tuğ-ı fîruğ-ı sahibqıranı ayuuka peuveate oldu”* [Туранли 2000, 210] (эпитет и гипербола). Символ ханской власти, бунчук, был поднят очень высоко, что мог быть узнан издалека. То есть тут подразумевается готовность хана и его войска к сражению, общий настрой на победу. Со словом “бунчук” связь эпитета и гиперболы принимает высокую окраску. При этом Сенаи хотел здесь указать на никогда не спадавший дух хана.

Другое сочетание, в котором объединены гиперболизированный эпитет и символ:

“Хазрет падишах – завоеватель мира и Искандер наших дней, то есть сахибкиран земли и времени Ислам Герай хан (да хранит его Господь всемилоостивый!)” [Усеинов К. 1998, 62] – *“Hazret-i padişah-ı cihan-sitan u İskender-devran yani sahibqıran-ı zemin u zaman İslâm Giray Han dame fi hıfz-ı Rabbul-Müstean eban'an”* [Туранли 2000, 214].

Тут заметно восхищение автора объектом своего произведения. При помощи гиперболизированного эпитета изображаемый образ получает большую выразительность. В нем показывается величие самого хана. Не менее ярок и символ “Искандер наших дней”, отражающий категорию времени. Великим государственным деятелем прошлого являлся Искандер (Александр Македонский). С его именем связаны великие преобразования в мире. Он – символ бесстрашия, справедливости и мудрости. Мехмед Сенаи приравнивает два образа (хана Ислама Герая и Искандера Зуль-Карнейна), но при этом особо отмечает различие во времени. Время требовало наличия таких героических личностей, как царь Искандер Зуль-Карнейн и как хан Ислам Герай.

Основой для сочетания символа со сравнением *“Царь трона Сулейманова, подобный Искандеру хазрет падишах”* [Усеинов К. 1998, 20] – *“Alel-iqab bizzat hazret-i padişah-ı Süleyman-serir İskender-nazir hazretleri”* [Туранли 2000, 184] является мудрость хана. Любой государственный деятель должен обладать этим качеством. Таким образом, связывающим моментом между ханом Исламом Гераем и царем Сулейманом⁴ является такое важное свойство правителя, как мудрость. Только очень мудрый человек мог восседать на “троне царя Сулеймана”.

Мехмед Сенаи интенсивно идеализирует главного героя благодаря умелому сочетанию нескольких троп одновременно. На-

⁴ Сулейман – это пророк, сын Давида, один из 25 пророков, упоминаемых в Коране. Там же его имя встречается в 13 аятах (стихах). Предание гласит, что в своё время Сулейман расширил границы своего государства и построил самую большую мечеть Акса в городе Куддус, где якобы он заставил работать даже джиннов. Он славился необычайной мудростью, управлял природными явлениями, животным миром, понимал язык птиц [Усеинов С. 2009, 80–81].

пример, эпитет, сравнение и символ: *“Хазрет падишах, сжигающий врагов и прощающий рабов.... Герой подобный Каруну, султану арабов, персов и румов, султану своего времени и халифу Порога счастья... для благодетельного хазрета падишаха, джемшида вселенной, источника счастья”* [Усеинов К. 1998, 10] – *“Padişah-i düşmen-süz u bende-nevaz âbâ vü ecdad-ı ızamları zamanından padişah-ı rub-ı meskün kâhirul-mülk-i qahramanul-kurun sultanul-Arab vel-Acem ver-Rum olan selâtin-i zaman u hulefa-yı Ali Osmanın saadetlerine arz-ı hulüs u mutâbeat üzere oligelmeğin zaman-ı devletlerinde veliyüü 'n-niamları hazret-i padişah-ı cem-câh-i felek-destgâh saadet-penah”* [Туранли 2000, 177]. Перед воображением читателя предстает образ идеального человека, хотя ясно, что совершенно идеальных людей нет. Это просто лишь стремление преподнести образ таким, чтобы он хорошо запомнился. Словами “падишах, сжигающий врагов” автор не в прямом смысле говорит об этом. Здесь этими словами он рисует образ воина-полководца, перед которым не может устоять ни один противник. Сенаи характеризует главного героя произведения, хана Ислама Герая III, как воина и как правителя. Гнев хана настолько велик, что он “сжигает врагов”, и одновременно он настолько милостив, что “прощает” людей, которые совершили проступки. Он подобен “султану арабов, персов и румов” и султану Османской империи. Словами “источник счастья” показана нравственная сущность образа хана Ислама Герая. Главный герой является символом благополучия и счастья. Все его усилия направлены на достижение высоких целей, чтобы в мире царили доброта и справедливость. Эти слова говорят сами за себя.

Как видим, автор “Тарих-и Ислам Герай хан” использует различные тропы, характеризуя главного героя произведения – хана Ислама Герая. В некоторых случаях, как это было видно выше, он даже применяет свои познания из мировой литературы, а именно классической персидской литературы. Тропы, без сомнения, делают произведение красочным, наполненным различными оттенками. Удачно примененные тропы повышают уровень восприимчивости текста произведения. Мехмед Сенаи, как талантливый писатель своего времени, умело рисует портрет крымского правителя – хана Ислама Герая, стремясь при этом сделать образ героя незабываемым, впечатляющим.

ЛИТЕРАТУРА

Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. Москва, 1992.

Гайворонский О. Созвездие Гераев: краткие биографии крымских ханов. Симферополь, 2003.

Гуляев Н. А. Теория литературы. Учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. Москва, 1977.

Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. Москва, 2009.

Конгурат К. К истокам крымскотатарской литературы // *Qasevet*. № 1 (25), 1996.

Крошнева М. Е. Теория литературы: учебное пособие. Ульяновск, 2007.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Москва, 1979.

Сейтягьяев Н. С. Історична проза в кримськотатарській літературі XV–XVIII ст. Київ, 2005.

Сейтягьяев Н. С. Къырым диван эдебиятынынъ муэллифлери ве эсас хусусиетлери: умумий бакъыш // *Йылдыз*. № 4, 2004.

Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. Москва, 1966.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. Москва, 1999.

Туранли Ф. Г. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. Київ, 2000.

Усеинов К. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. История хана Ислям Гирая Третьего. Симферополь, 1998.

Усеинов С. Словарь религиозных терминов, связанных с мусульманским вероучением. Симферополь, 2009.

Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. Москва, 1978.

Хайрулдинов М. А. Мудрость веков (традиционное мусульманское воспитание). Часть II. Симферополь, 2000.

Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. Симферополь, 2008.

Шамильюглу Ю. Направление в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001.